

Лама и Феникс

Часть 1

«Я ему доверяла, как никому другому, могла высказать все те мысли, что тщательно скрывала внутри...».

Сьюзен Коллинз «Голодные игры»

1

– Потанцуем? – с этим сугубо мужским вопросом тогда вспыхивало ощущение зарождающейся женской привлекательности, и от блеклого подобия уверенности душа вырывалась в небеса.

Дисотеки в девяностых на открытых площадках устраивались каждый вечер. Терроризм был еще не в ходу, престижная профессия секьюрити маячила в светлом будущем, поэтому как отдыхающие, так и местные жители имели свободный доступ к почти бесплатным развлечениям. Народ сотрясался преступно-одинаковыми телодвижениями. Каждый летний вечер (кроме тяжелого понедельника) мы с подружкой сбегали из дома в возбужденной надежде встретить хорошую любовь, одну на всю жизнь.

У нас была только одна странность на двоих – совместное коллекционирование фотографий мертвых голубей, это дикое хобби как бы идентифицировало нас с мрачной подростковостью. Мы постоянно таскали с собой дешевые фотоаппараты-мыльницы, гоняясь за экспонатами для фото, печатали их и хранили альбом по очереди втайне от всех.

В школе наше примерное поведение и тошнотворно отличная учеба исключали возможность потери добропорядочной репутации. Принадлежность к женскому полу все же подталкивала нас на поиски принцев на белом коне. В нашем представлении они обитали исключительно на танцах.

Июльским душным вечером смазливый парень с аккуратно уложенными черными волосами и глянцевыми жемчужинами глаз оказался студентом милицейского ВУЗа на каникулах. Младший лейтенант Андрей, выходец из песни Аллегровой... Хотя нет, никакой чопорности. Это у меня наивно-детское заблуждение по поводу военных и работников органов (внутренних). Казалось, они должны быть строго подтянутыми, не улыбаться, с эдакими каменно-непроницаемыми физиономиями. А Андрей демонстрировал обаятельную улыбку, весь его образ светился какой-то милой детскостью, доверительностью. Его друг, выглядевший

чуть старше, суровее и мужественнее, пригласил Ксюху. Закрутился танец и несколько пробных свиданий. Только у меня. Ксюха к тому времени была без памяти влюблена в первокурсника-инженера из Мурманска, с которым познакомилась прошлым летом в пионерском лагере в Анапе. На танцы ходила со мной исключительно из дружеских мотивов. Поэтому меня несколько не удивил ее вялый вид в медленном танце с бруталом.

Уверенность сдулась проколотым воздушным шариком, когда через несколько летних псевдоблаженных дней принц доблестной милиции исчез, как в море корабли, вместе со своим конем. Жаль, большой и светлой любви не получилось. Смутное понимание, что мальчик искал одноразовую девочку для курортного романа (а у меня на лбу высвечивались слова «синий чулок»), скрасило тоску. Но чувство непривлекательности успело лечь очередным пластом на прочном основании безотцовщины.

Биография отличницы со всеми вытекающими была не Бог весть как отягощена событиями, поэтому дискотеки стали лучом света в моем темном царстве. Протянулась несколько скучных, однотонных, депрессивных недель после безуспешной попытки счастья. В один из серых, ничего не предвещавших вечеров уныло подходя к танцплощадке, я споткнулась взглядом о взгляд-вспышку, необычный, единственный в мире, который оттиском раскаленного железа впечатался в мою память навеки, спалив дотла младшего лейтенанта и всех прежних и будущих особей мужского пола. Меня затопило хлынувшей из его глаз волной неизвестно откуда взявшейся радости, превратив мою сущность на несколько секунд в соляной столб.

– Привет! Присаживайся, – пригласил, жестом указав на скамейку одиноко сидящий...партнер Ксюхи по танцам.

Словно загипнотизированная, я опустила на зеленую парковую скамейку рядом с ним, глупо улыбаясь.

– Привет! Т-ты куда?

– Никуда. Тебя вот, Лана, жду, – вспышка.

Даже имя запомнил. Младший лейтенант испарился из сознания, а Олег тактично про него не спросил.

Как мы оказались на площадке, не помню, но наши медленные танцы стали шедевром моих подростковых ощущений, граничащих с измененным состоянием сознания. Из-за пятилетней возрастной разницы воображение несовершеннолетней девчонки возвышало кавалера до пьедестала умудренного опытом мужчины. С чего вдруг он признался в мгновенной симпатии ко мне еще тогда, в первый вечер, и что просто решил уступить танец однополчанину в отпуске? Душа затрепетала бешеными бабочками.

Во всех романах красавец и красавица обязательно находят друг друга и живут долго и счастливо, опровергая реальность. Про себя мне лучше помолчать, до фотомодели как до Луны пешком. Я виделась себе неинтересной клушей «без изюминки» (мучительные пубертатно-анорексические переживания несоответствия толпе) с комплексом неполноценности. Внешности обычной: глаза-губы-фигура-волосы-в-хвост. Поэтому перед выходом в дискотечный «свет» приходилось постараться, вылепляя искусственный аналог уверенности с помощью сподручного огламуривания косметикой и отпускания волос на свободу.

Вот мужчине необязательно быть красивым, достаточно слегка превзойти обезьяну, согласно народной мудрости. Но от современных агрессивных требований культа красоты,

безжалостно впивающегося своими щупальцами в мозг, деваться некуда. Олег же совсем не соответствовал глянцевого культу: худощавый, подобно коню на скачках, обтянутый мускулами, ростом чуть выше моего среднестатистического, со странной пританцовывающей походкой; темно-каштановые коротко стриженные волосы, похоже, абсолютно прямые; четко очерченные, полноватые губы, нисколько не смягчающие суровый вид незагоревшего лица, круглые небольшие зеленые глаза с оттенком горчицы с эксклюзивной вспышкой какого-то внутреннего огня, за которую я бы отдала жизнь.

Ксюха отправилась гулять со своим возлюбленным Денисом, приехавшим в отпуск будущим инженером, а я после танцев обнаружила себя рядом с Олегом по дороге домой, и все остальные особи мужского пола слились в одно лицо, которое я перестала замечать. Мужественное обаяние Олега инъецировало перманентный наркоз прямо в сердце.

2

Желтой осенью мы брели по пустынному пляжу, взявшись за руки и пиная камни. Вряд ли кто-то мог быть счастливее меня. А вечное море в пасмурную погоду словно собиралось разрыдаться серыми волнами, испугавшись нависших тягостных туч.

– Пошли в кино, промокашка, – нарушил длительное молчание мой спутник.

Отдать два часа долгожданного свидания какому-то фильму, пусть даже он – стократный обладатель «Оскара»? Даже танцы потеряли первоначальный смысл из-за невозможности общения наедине. Почувствовала себя обворованной. Я словно хваталась за соломинку, вырывая драгоценные минуты.

– Давай лучше еще погуляем.

– Хорошо, медленно провожу тебя домой.

– Как, уже? – я передернула плечами. Прохладный ветер с моря обдувал неприкрытые одеждой части рук, начавшие покрываться мурашками.

– Замерзла?

Я сникла и не отвечала. Олег снял с себя синюю ветровку и замотал в нее меня, она как раз доходила длиной до середины бедер, оставив полоску синей джинсовой юбки и превратив мою фигуру в синее пятно. Куртка ненавязчиво пахла знакомыми сигаретами и терпким сложным парфюмом. От сочетания запахов и незнакомой мужской заботы подкосились ноги. Парень остался в футболке цвета хаки.

– Я же сказал – медленно. И твоя мама будет ругаться.

Нашли ребеночка! Молча потащились обратно, а я захлебнулась подступившим страхом: ему со мной неинтересно.

– Что загрустила?

– Все хорошо, – выдавила я как можно более непринужденным тоном.

– Эй, так не пойдет, – непредсказуемый мужчина рывком остановил меня и (о! чудо!) сгреб в охапку, спрятав мою голову у себя на сильной груди.

Грусть мгновенно оставила организм.

– Ты никогда не рассказывала об отце, – медленно произнес он, продолжая гладить меня по голове.

Я резко высвободилась из желанных объятий и вытаращила на него глаза.

– Откуда такой вопрос?

– По-моему, естественный вопрос. Что не так?

– Ты никогда об этом не спрашивал, – сердце упало в желудок.

Понятие «никогда» в нашем случае совсем не уместно. За два с половиной месяца мы встречались всего четыре раза. Служба в органах поглощает все время Олега, во всяком случае, он так говорит. На самом деле именно вопроса о семье я боялась больше всего. В общении с новыми знакомыми давно овладела искусством выкруливания на безопасную колею разговора.

Десятый класс ознаменовался новыми одноклассниками из благополучно богатых семей, не то, что у некоторых. Для откровений предназначалась только Рина, соседка по парте с черепашным именем, худощаво-интеллигентная, в одежде по собственному вкусу, даже отдаленно не напоминающему современную моду. Какие-то длинные строгие серые юбки в сочетании с бежевыми свитерами под горло.

Волнистые волосы Риной цвета свежих опилок никогда не были на свободе, а заключались в стандартный идеальный, прилизанный хвост. Лицо продолговатое каплеку больше обычного и прямой нос, что в совокупности создавало строгий учительский вид. Она напоминала чопорную ведущую телепередачи по этикету. А глаза, хоть и цвета набегающих туч, притягивали магнитом ясной и светлой души. Устойчивый характер с жизнерадостным спокойствием разбавляли мою печоринскую тоску. Она никогда не задавала бестактных вопросов и краснела от пошлых тем, смакуемых одноклассниками. Поначалу ее в классе никто не замечал, а потом прицепилось прозвище Тортиллы.

Я подружилась с ней с первой минуты из-за врожденной тяги ко всему нуждающемуся. Зайдя в новый класс, уже полный разных незнакомых лиц, увидела только одно свободное место около нее. Никто не захотел стать ее соседом по парте. Рина, словно царевна-лебедь, обернулась надежной и мудрой подругой, не в пример некоторым снобам. Хотя...кто еще нуждающийся из нас – большой вопрос. Она создавала видимость наплевательства относительно своей внешности. Дома ее ждали любящие родители, так есть ли разница, какая у тебя оболочка?

С Риной легко говорить обо всем, а вот с Олегом не знаю... У него полный комплект родителей с младшей сестрой. Он, конечно, не сноб, но опасения, какотреагирует, плескались. Образ подруги немного успокоил, а настойчивый голос выудил внимание из размышлений:

– Так что?

– Что тебя конкретно интересует? – лихорадочно пыталась тянуть время. Надо было соглашаться на кино.

– Конкретно: не точит ли он нож на меня?

– О! Об этом можешь не переживать!

– А что, ружье заряжает?

– Ну, откуда столько выводов? – немного вздохнула, вдруг удастся выкрутиться привычным образом.

– Обычно ты не разрешаешь мне проводить тебя до квартиры. Не говоря уже о том, чтоб напроситься на чай.

– Для понятия «обычно» мы не так много встречались.

Олег молчал.

– Ты правда хочешь? – я решила не упустить шанс.

– Ой, не притворяйся удивленной, не умеешь.

Темнело. Море умножало волны. По всем признакам у нас не курортный роман быстрого приготовления, его априори не может быть у местных жителей, хоть и называемых жителями курорта. Но выворачиваться наизнанку пока страшновато.

– Я же чувствую, что-то не так. Давай рассказывай.

Куда деться от такой пронизательности? По его мимическим проявлениям вряд ли что-то можно вычислить, в то время как мой мыслительный процесс всегда демонстрировался на фэйсе.

– Ты любишь море? – решила применить лобовую атаку.

– Это не то, что тебя беспокоит.

– Так любишь?

– Нет.

– Как можно жить на море и не любить его?

– Ты спросила – я ответил. И так..., – Олег нетерпеливо пришел на помощь моим зачаточным откровениям.

– Никакого «итак», отца просто нет, – поняв, что не отвертеться, выпалила я и отвернулась.

– Вот дурочка. Я уже успел подумать, что он работает в КГБ, НКВД, центральной разведке, следователем или прокурором и испугался допроса с обвинением в растлении несовершеннолетних.

– Дождешься от тебя растления. Неужели я похожа на дочь прокурора?

– Очень даже. Слова не вытянешь.

– У прокуроров обычно такие дети?

Смешок.

– Знаешь, я бы предпочла любого из перечисленных, чем никакого. Еще есть вопросы?

– Извини, а где он?

– Не волнуйся, не в тюрьме.

– Полегчало! И все-таки?

– А, – небрежно махнула рукой, желая не выдать настоящих чувств, – банальщина. У него... другая семья, – далось с трудом.

– Почему?

– И кто из нас на допросе?

– Не хочешь – не говори.

– Вот только не обижайся.

– Я же мужчина, не могу позволить себе обижаться.

– Я не договорила. Я хочу тебе рассказать, но...

– Не доверяешь?

– Доверяю с первой минуты, – на этих словах Олег ухмыльнулся. Что это должно означать? – Но это не так-то легко... Сейчас никого не удивить... неполной семьей. В моем прежнем классе из двадцати человек двенадцать росли с одиночными родителями. Мало кого из них это волновало, или не говорили. А меня вот прямо мучает...

Речь получилась медленной, как прощупывание дороги в темноте для следующего шага. Олег внимал ровным немигающим взглядом, без вспышек, выражающим спокойный интерес, и это придавало сил для продолжения.

– Не знаю, как объяснить. Всегда преследовало чувство ущербности, словно чего-то внутри не хватает. Как будто двери открытые в душе. Очень плохо и одиноко. И еще всегда страшно, как будто что-то случится, – надо срочно перевести тему, пока не разревелась. – А развелись родители, потому что не сошлись характерами, это мамин лозунг. И я совсем этого не помню и не понимаю, что это вообще означает. По мне – так фигня какая-то. Мне даже слово «родители» непривычно произносить. Слово без ощущений, без образа.

– И ты его не видишь? – последовал осторожный вопрос.

– К счастью, нет. Он живет в другом городе и вообще в другом мире, иногда пишет, раз в пятилетку.

– Переживаешь? – в голосе тень беспокойства.

– Нет. Но, кажется, я никому не нужна...

Последние слова придушились подступившими слезами, терпеть не могу эти разговоры про чувства, попробуй их задвинь потом. Олег имел супергеройскую способность видеть больше, чем надо.

– А мама?

– С ней все нормально. Но отцовская заинтересованность не помешала бы.

Во время разговора незаметно брели по берегу моря и теперь делали это в молчании. Вышли на аллею парка.

– Так пригласишь на чай?

– Ну...я не успела ничего испечь, – вдруг получится отшутиться...

– Ты умеешь готовить??

Давно так не веселилась.

– А ты нет?

– Я все умею, но ты еще маленькая.

– Мне шестнадцать, забыл? Но где уж мне до вас, сэр!

Олег закатил глаза, рассмеялся, положил мне руку на плечо и развернул мое туловище в сторону дома.

3

Вечер совсем загустел темнотой, когда для пущей таинственности я закрыла его глаза рукой, мысленно удивляясь, как он это позволил, пока мы по маленькой прихожей пробирались в комнату, одну с мамой на двоих. Другая комната была наша с сестрой, а сейчас мама сдавала ее приезжей разведенной женщине в целях поправки финансового положения. Мама любила проводить на кухне вечера за нескончаемыми домашними делами. Тогда я была уверена, что ей нужно уединение, сейчас думаю, что просто не хотела мешать моим нескончаемым урокам. Так что вторжения в личную жизнь можно было не опасаться. Звук воды в кране заглушил наш кошачий приход.

Меня немного лихорадило от предвкушения маминой реакции на незваного гостя. Конечно, она была осведомлена о наличии парня: надо же было как-то объяснять те четыре моих вечерних отсутствия. Ах да, сегодня пятая встреча! Юбилейная! Я захихикала, включая свет.

– Что? – удивленно спросил Олег, нетерпеливо освобождая глаза.

– Поздравляю!

Он высвободил глаза, убрал с них мою руку, и настороженно оглядел советское убранство комнаты: мутно-зеленую металлическую полку с книгами, строгую, без всяких там керамических статуэток и фоторамок, которая нависала над единственным новым предметом мебели – письменным столом, где сосредоточилась почти вся моя жизнь, полированный коричневый платяной шкаф времен, наверное, послевоенных, такой же старый диван с наброшенным узорчатым покрывалом размытых красно-коричневых цветов и древний ковер на полу. Словно думая, что в комнате таится какой-то подвох, Олег удивленно поднял брови при виде обшарпанного громоздкого пианино «Пенза», на мгновение дольше остановил взгляд на маленьком аквариуме с разноцветными сомиком и спросил:

– С чем?

– С нашим юбилейным свиданием! Пятым!

– А, так мне полагается подарок? – глаза полыхнули любимым огнем, но с места он не двинулся.

– Ты его уже получил.

– Да? И где он?

– Здесь, причем эксклюзивный. Ты удостоился чести посетить мою неприступную крепость... Принесу чай.

– Пойдите, мадемуазель, я весьма польщен, – остановил Олег вкрадчивым голосом, подойдя так близко, что я потеряла резкость. Что-то он сегодня разошелся, мой парень, до этого момента позволяющий себе только ничего не выражающий чмок в щеку и прогулки за руку. Как с маленькой...

– Мама ведь может войти, – заставила себя увернуться от неминуемого поцелуя. Или у меня паранойя, или он просто играет со мной, как хозяин с кошкой.

– Только в этом причина? – спросил он, прищурившись.

– Конечно! – ответила я, пытаюсь высвободиться из милицейских накачанных рук и решить, наконец, мучительный вопрос с мамой. И с чаем.

На кухне чуть ли не пришлось отпаивать родительницу, потерявшую самообладание от незнакомого мужика за стеной и торта, который он купил по дороге в кондитерской. Моя мама – бухгалтер в книжном магазине, она больше видит цифры, документы и книги, чем людей. Может, поэтому она и выбрала такую профессию, чтобы свести к минимуму такую сложную часть жизни, как общение. И поэтому ей трудно смириться с моей потребностью в друзьях и периодических тусовках. Но она же не догадывается, какой Олег надежный и безопасный.

Уставившись в пол, в красную каплю от лака для ногтей на бежевом линолеуме, которую я забыла оттереть, она сидела, как скульптура, пока я распаковала торт, заварила черный чай, поставила на поднос три чашки, блюдца и сахар в медной сахарнице дореволюционных времен.

– Лася, даже не думай, – вышла из комы мама при виде третьей чашки.

– Спасибо, – предательски-радостно воскликнула я, убирая одну чайную пару, забыв даже возмутиться детским прозвищем.

В комнате глазам явилась еще одна скульптура: мой гость, держащий в руках толстенный потрепанный том Пушкина, стоя на одной ноге, а другую поставив на сложенное кресло-кровать. При виде вошедших нас он спокойно отложил книгу и галантно подхватил у меня поднос.

– Добрый вечер! Олег, – обозначился галантный парень.

– Алевтина...Андреевна, – ответила мама со сдержанной улыбкой, слегка запнувшись и пристально посмотрев на меня.

Ясно, вечером ожидается шквал эмоций.

Чай мы пили прямо за письменном столом. Мама тактично (или из чувства неловкости) ретировалась, Олег отказался от торта и молча пялился, как я ем свой кусок. Торт он выбрал сильно шоколадный, присыпанный тертым шоколадом и выведенными шоколадными линиями на поверхности, на упаковке явственно прочитывалось название: венский торт «Захер». Не стала разочаровывать Олега, что из шоколадного я люблю только шоколад.

– Зачем ты купил торт, если сам не ешь? – от тишины и буравящих глаз стало как-то не по себе.

– Я же не себе купил, а еще название понравилось, – прыснул Олег.

– Спасибо, очень вкусный, – в данном случае честно поблагодарила я, отодвигая свою тарелку.

– Заметно по количеству съеденного.

– Нет, правда, я просто неголодная.

Как же, полезет кусок в горло в такой обстановке.

– А твоё печенье я бы попробовал в следующий раз.

– Где уж мне до «Захера»! Но теперь буду каждый день что-нибудь печь! Вдруг придешь на запах раньше, чем через три недели, – ухватилась я за «следующий раз», не сдержав сарказма.

Дружок смущенно усмехнулся:

– Извини, ты же знаешь мою работу.

– Вообще-то совсем не знаю.

Опять воцарилась тишина, а я придвинула незавершенный кусок «смертельного» шоколадного торта и машинально ковыряла его ложкой. Олег взял Пушкина и с таким азартом рассматривал страницы, словно печатные издания только что изобрели.

– Тебе нечего больше сказать? – я опять ехидно нарушила молчание.

– Настоящему мужчине всегда есть, что сказать. Просто увлекся. Тут есть интересные заметки на полях, – теперь он вложил в свой взгляд все ехидство всех ехидн мира.

– Слышишь, Онегин, так не честно! Это личное!

Я потянулась за книгой, он поднял ее вверх, а другой рукой обвил меня за талию и усадил к себе на колени. Сердце бешено заколотилось.

От мужественных биотоков охватила дрожь, а с той встречи в парке способности соображать сильно поубавилось. Я обвила руками его шею, но настоящий мужчина только провел рукой по моим волосам до самых кончиков. Я не успела замотать их в пучок.

– Вы играете на пианино, красавица?

– Н-нет, пыль протираю, – пролепетала я в полуобморочном состоянии, не утратив, однако, ехидного тона.

– А серьезно?

– После музыкальной школы видеть его не могу.

– Жаль, – голос стал более низким и приглушенным.

Его лицо медленно приближалось. Глаза (у меня) закрылись по собственной предательской инициативе. Мир остановился вместе с сердцем; мама, комната, депрессия, сомики, фотоальбом с голубями, прошлое и все остальное перестало существовать.

Олег тихонько отстранился, но слишком скоро. Или я все же неинтересна ему, или он считает меня маленькой. С ним так спокойно, словно пазлы внутри складываются. Но совершенно ясно, как только он уйдет, гипноз кончится.

– А тебе не рано такие знакомства заводить? – допрос, безусловно, ожидаемый.

Мама вплыла в комнату с видом, будто у нас кто-то умер или прямо сейчас корчится в предсмертных муках.

– Почему? – оторвалась я от геометрии.

– Сколько? Ему? Лет?

– Почти двадцать три.

Мамины глаза медленно поползли на лоб.

– А не тридцать? – съязвила она, – и чем он занимается?

– Работает, – вряд ли получится увести ее в другую тему, – попробуй торт, обалденный, ты такой не пробовала.

Допрос продолжался без внимания к кондитерскому шедевру «Захер»:

– Где?

Этот неминуемый вопрос из разряда фильмов про итальянскую мафию – кровавых кошмаров из детства. Два года назад моя старшая сестра сбежала из дома в неизвестном направлении именно с милиционером. За три недели, в которые мы ничего не знали о судьбе беззаботной парочки, мама поседела и превратилась в комок нервов. Теперь красит волосы. Танька вернулась через несколько месяцев, озлобленная на весь мир, так как в назначенное время карета неминуемо превратилась в тыкву, а принц – в жабу. Мама, конечно, моментально простила блудную дочь, но та не смогла в это поверить и ушла жить в захудалую комнату в общежитии, на какую хватило денег. Отношений до сих пор нет.

В воздухе томила тягостная пауза. Наконец, на свой страх и риск, я промямлила:

– В...милиции.

– ???!!*?%№?!

– Мама, не волнуйся, – продолжала я в ожидании обморока, лихорадочно вспоминая местонахождение валерианки и нашатыря.

– Ты еще не в курсе, что там все поголовно пьют, воруют и вообще одни хамы работают?!

О реальном говорить запрещено.

– Правда? – злая я дочь. – Ты открыла мне глаза, я думала, там работают люди. Разве Олег хам?

– С первого взгляда нет. Но одного мента мне хватило на всю жизнь! – Завеса приоткрылась. Мама сделала выразительный жест рукой около горла. – И почему нельзя встречаться с ровесником?

– Потому что они все придурки. Ты сама-то с кем встречалась?

– Все, ложись спать.

Так всегда. Мы никогда не говорим о реальности. Дверь хлопнула, что означало мое вождеденное уединение. Конечно, я применила запрещенный прием, знала, что маму это

взбесит. Почему она не хочет рассказывать о своем прошлом? Тоже, наверное, считает меня незрелым яблоком, как некоторые. А может, есть что скрывать...

4

Прощаясь, мой брутальный принц пообещал прийти... завтра. Неужели наступит жизнь нормальных человеческих влюбленных?

Без тени сомнений принялась за двухдневное домашнее задание, конечно, не вняв мамину приказу. Мы просто поменялись с ней местами. Я удалилась на кухню, вдыхая аромат уединения, черного чая с лимоном и мятых страниц старого учебника английского языка про бессменное семейство Стоговых, которому сейчас в интернете приписывают ответственность «за комплексы неполноценности относительно коряво недоученного английского у всего нашего поколения»*.

Домашнее задание заключалось в выдумывании диалога. В голову ничего не лезло, кроме амурной ванили. Пришлось Лену Стогову срочно знакомить с парнем и расписывать приторную беседу об их увлечениях за столиком в кафе. По литературе – ни много ни мало – прочитать «Преступление и наказание». Осилила всего несколько глав Достоевского, так как приторные грезы, не совместимые с разборками Раскольникова, не давали сосредоточиться, хозяйственно опутывая разум.

На следующий день около трех я уже принеслась домой на крыльях первой подростковой любви. До свидания целая вечность. Попробую дочитать «Преступление и наказание». В другом (обычном) состоянии оно бы в меня всосалось, как вода в песок. Но через десяток страниц выяснилось, что депрессивность классика сегодня опять не в тему. Следующая попытка – «Джейн Эйр». О любви, но тоже совсем невесело, хоть и с хэппи-эндом. Презрительно-аналитически пробежалась глазами по книжной полке: «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго» Дюма, Есенин, Достоевский «Бесы», «Нервно-психические болезни», Ахматова, Лермонтов. Жуть. Почти все либо меланхолики, либо пережили войну, тюрьму, красный террор и писали о несправедливости, бессмысленности жизни и поэтому тоска смертельная. «Болезни» приберегу на потом, мало ли...

Полистала фотоальбом с мертвыми голубями. Типичное не то.

Душа нагло требовала осязаемой радости (кажется, впервые в жизни). По телевизору весело демонстрировали «Приключения Петрова и Васечкина», добрейший привет из детства (еще к нему прилагается «Гостя из будущего»). Засмотрелась, навеяли воспоминания о жизни у бабушки с дедушкой.

Дедушки уже нет, но сердце до сих пор плавится от его теплоты. Он – тот единственный мужчина, который кормил любовью дыру в сердце, предназначавшуюся для отца. Отношения у нас были такие, какие считались нормальными в давние времена: ни душевных разговоров, ни совместного времяпровождения, ни слова похвалы. Я жила у них с бабушкой в детстве, впитывая атмосферу патриархального уклада, где адекватный глава семьи пользуется уважением. И его ненавязчивая забота заполняла некоторые душевные поры.

Его не стало два года назад. Подростковая тупость часто бывает необратимой. Последняя встреча с единственным родственником мужского пола омрачилась дешевой попыткой умничать перед человеком, прожившим восемьдесят пять лет, да еще каких! Как они выжили в сибирской ссылке, вырастили пятеро достойных детей во время войны, работая в шахте? Кому

нужен этот «Ласковый май», испортивший наши отношения? Я так рьяно отстаивала свои музыкальные вкусы, «единственно правильные», а мужчины-певцы в белых рубашках с галстуками, без конвульсий на сцене, – прошлый век. Много лет спустя я проникнусь глубиной настоящих голосов в «белых рубашках». А деда не вернешь.

Мысли перед свиданием радостными не назовешь. Почему из любого намека на оптимизм или радость я обязательно опускаюсь в тоску? На экране ползли титры.

Решила не сильно краситься, на всякий случай. Мама все-таки поймала в коридоре с сугубо строгим видом, не предвещающим ничего хорошего.

– Пока, мам, – решила проскользнуть, прикинувшись дурочкой.

– Когда тебя ждать? – мама умела поднять одну бровь черно-серой зловещей скобкой, от чего становилось не по себе.

– В десять, – прозвучало неуверенно.

– Если не придешь, позвоню в милицию.

– Хочешь его подставить? Я приду.

От дома до условленного места совсем недалеко. Мы специально не встречались поблизости наших домов. Так повелось, без обсуждений, словно по взаимно угаданной потребности. Я бежала, почти подпрыгивая, к памятнику Горькому (не из моих любимых писателей, кстати), сердце колотилось так, что невольно придерживала его рукой. Монумент находился в середине парка, соединявшего между собой два небольших жилых района. Первые пятнадцать минут ожидания режиссировала воображением варианты свидания, один другого романтичнее. Бешено вглядывалась в длинный туннель парка, желая увидеть знакомые черты и броситься навстречу, не думая о последствиях.

Сгущалась темнота, и нехотя срывались первые капли дождя. Зажглись фонари. Проползло двадцать минут. Мимо проходили одни влюбленные парочки, или только они попадали в мое внимание. Тридцать минут. Ждать невыносимо, особенно в приступе душающей паники. Машинально обошла вокруг каменного Горького раз сто в надежде, что возлюбленный примчится на коне любого цвета, сбивчиво оправдываясь задержкой на работе. Я прислонилась к Горькому и подняла глаза в темное небо. На сердце напознала черная туча, готовая вот-вот излиться соленым дождем. С трудом удерживала его, остановив слезный комок у горла. Никто не примчится.

А вдруг я одну минуту не дождусь? Не прощу себя никогда.

Сорок минут. Мужчина для меня – загадочное существо по простой причине его перманентного отсутствия в поле зрения. Кто мне скажет, верить ему или нет? Снова черная дыра боли и отвержения. Прошел час.

Медленно брела домой, слезы смешивались с дождем.

Мама дернулась было выяснить причину столь раннего прихода дочери с помутившимся рассудком, но, наткнувшись на кладбищенское лицо, осеклась. Я завалилась в постель прямо в мокрой одежде и с взглядом скульптурного Горького. Вот и вся любовь. Мама принесла чай с невыносимым выражением лица:

– Что случилось? – тон загробный.

Я отвернулась без ответа. Скорей всего, картины в ее воображении самые жуткие из-за моего утаивания информации.

– Звонить в милицию? – теперь с ее стороны запрещенный прием.

Я встrepенулась:

– Только девять. Если позвонишь, я уйду. Все нормально.

Маму не проведешь, но сейчас я способна только на эгоизм.

5

Наутро в автобусной мясорубке вырисовался бывший одноклассник-отличник, с которым даже была интеллектуальная конкуренция первые восемь лет учебы.

– О!!! Привет, Ланусь!! – лицо засияло, как вымытое блюдо, а туловище дернулось уступить мне место.

Передернуло от такого обращения, с чего бы это? Всю школьную жизнь я кем только не называлась: Ламой, Лампой, Лаком для ногтей, Ланкастером. Но, надо отдать должное Антону, он в этом не участвовал. Толпа людей вдавила меня в сиденье вместо джентльмена. Я растянула рот в ответной улыбке.

– Спасибо.

– Хорошо выглядишь!

Плохая шутка. Распухшие глаза, конечно, замазала, но не могли же ночные кошмары бесследно исчезнуть с лица.

– Спасибо, ты тоже, – я вот нисколько не преувеличила.

Парень залился краской.

– Классно, что я тебя встретил! Пятого ноября встреча выпускников! Ты придешь??

Странно, выпускники обычно в феврале собираются.

– Ммм... Н-нет. Буду занята, знаешь, лицей..., очень много задают.

И терпеть не могу встречи выпускников.

Не прошло и двух дней, как Антон – голубоглазый парень глянцевой мечты с волосами цвета блестящей вороны – пожаловал собственной персоной в мою крепость. Имя у него классное, за время совместной учебы ни разу не довелось об этом подумать. Я восседала за письменным столом в вытянутых на коленях спортивных штанах не для гостей и с прической а-ля Надежда Крупская. Делала уроки (я всегда делала уроки). Мама открыла дверь (вот зачем, спрашивается?). Комнату озарил скромный принц в белой футболке и черных джинсах, в руках держал легкую куртку и букетик лесных фиалок, с жутко обаятельной улыбкой от одного уха до другого. Мама стояла рядом с идентичным выражением лица. Как же, ровесник, отличник, одноклассник! Надежный, проверенный, совершенно неопасный. Не то что служители закона, последователи Дзержинского. Я вдруг словно гирию проглотила, сердце уменьшилось в три раза. Только этого мне не хватало!

– Привет, Ланочка. Это тебе, – робко протянул цветы.

Незапланированная реабилитация? Вазочки по размеру не нашлось, пришлось поставить букет в обычный стакан. Такие маленькие, а запах на всю комнату.

– Бросай куртку, куда хочешь.

Антон аккуратно повесил куртку на стул, где я только что сидела.

– Ты читала Брэма Стокера «Скорбь Сатаны»? – спросил Антон, внимательно разглядывая книжную полку. И далась она всем моим гостям мужского пола! Станный какой-то катализатор общения.

– Нет, как видишь, у меня такой нет в арсенале.

- Могу дать почитать.
- Спасибо, звучит устрашающе.
- У тебя тут Библия. Интересуешься этой темой?
- Антон, это же совсем другое.
- Почему? Просто обратная сторона. А помнишь, как мы с химии сбежали всем классом?
- Не успеваю за твоими мыслями. Еще бы не помнить! Та химия так и осталась

единственным уроком, с которого меня угораздило сбежать.

- Да, моим тоже, – вздохнул Антон.

Две зануды расхохотались.

- Как прошла встреча выпускников?

- Не знаю, я там не был.

- Как??

- Хотелось бы видеть там весь наш класс.

– Я слышала, что ее перенесли из-за бывшего ученика каких-то семидесятых, сейчас – капитана дальнего плавания. Вроде как оказал школе финансовую помощь.

- А. Я что-то такое тоже слышал, – несколько рассеянно проговорил Антон.

Пока мы пили чай, я невольно сравнивала сияющего мальчика-ботаника с белой кожей и женоподобной фигурой со своим парнем, который на его фоне смотрелся бы хмурым мужланом.

Первый визит прошел в дружественной обстановке воспоминаний школьных лет и наконец-то появившейся у парня возможности признаться от лица всех наших одноклассников, что я считалась самой красивой девчонкой в классе. Упс! А как же «синий чулок»? Хорошо, что Ксюха из параллельного класса, а то мне стало бы обидно за нее. Да и скорей всего, Антон неприкрыто льстит. Нервы вытянулись в тугую тетиву: пожалуйста, только не надо личных признаний!

Обошлось! Подозревала, что только на этот раз.

Не прошло и недели, как Сивка-бурка снова явился (без предварительной записи), застав меня в домашнем халате. Странно, даже не стушевалась. Притащил «Скорбь Сатаны». Подходяще, будет чем ублажить свою хандру. Я всесекундно думала об Олеге, он словно поселился в голове, но уже начинала смиряться с тем, что больше его не увижу. Чередовала умственную и кулинарную деятельность, чтобы не затопило унынием. Хотя слезы были уже на низком старте.

Бросив парню приветствие, сбежала на кухню перевести дух в чайных хлопотах, предчувствие просверливало душу. Принесла чай и тарелку сметанных коржиков по бабушкиному рецепту, Антон как-то подозрительно ерзал. Вдруг встал с кресла и зашагал ко мне с официальным лицом. Протянул неуклюже-робкую руку отличника к моим волосам, закрученным в бабушкин узел, и торжественно пролепетал:

- Лана! Давай заведем с...с тобой... роман.

О Боже! Роман!! Предчувствие обернулось реальностью, с которой...что делать??

Во-первых, никогда не собиралась встречаться с отличниками, какими бы они ни были красавчиками. Нестерпимая нудятина! Во-вторых, чуть не стошнило от такой официальности. В-третьих, со смазливymi лицами больше НЕ ЗАВОЖУ РОМАН. В-четвертых, на секундочку, у

меня есть парень. Пусть этот журавль спускается с неба раз в три недели, но... я его люблю. Внезапное откровение меня саму ошарашило.

Хотя по зрелом размышлении... Отличники надежные и верные. С ними спокойно. К тому же некоторые из них очень даже вписываются в современные стандарты красоты. И наверняка Антон будет проводить со мной кучу времени. За неделю уже второй раз пришел. А насчет парня... где этот журавль? Десять дней утекло после памятника, и ни слуху ни духу. Остается только одно: любовь в зрелое размышление никак не заталкивается.

Бедолага с багровым лицом плюхнулся в кресло. Судорога вины с примесью сострадания к красивому неудачнику дернулась и умерла. В комнате повисла неловкость и мое почти осязаемое желание, чтоб воздыхатель исчез так же, как появился. Воображение мгновенно застелило мозг образом моего ненавязчиво-ироничного возлюбленного брутала «чуть красивее обезьяны» (по современным меркам, как я уже говорила, а для меня – несравненно красивого), рядом с которым мне всегда так легко.

– Антош, извини, ты – очень хороший, – начала я, запинаясь и опустив глаза. – Ты найдешь свою настоящую любовь. Но...я не...могу...сейчас. Прости.

– Я понял. Я все понял. Не провожай.

И как теперь Брэма Стокера отдавать?

Только мальчик-одуванчик покинул мое убежище в растрепанных чувствах, я опустилась в кресло – этого безмолвного свидетеля юношеского огорчения, – уставившись в олений глаз на ковре. Я словно выпила сладкий любовный напиток с брусничной примесью вины и сожаления. Но он не успел ударить в голову. Звонок в дверь вывел из оцепенения. На пороге стоял...Олег собственной персоной.

Такие совпадения бывают вообще?? Возможно, эти двое даже встретились около дома или в подъезде, не подозревая друг о друге. Кинулась на шею, чуть не задушив его подростковой радостью, не вспомнив ни на секунду обиду, вдохнула знакомый табачный запах вперемешку с ароматом прохладного леса, заподозрив новый парфюм. Тоски как не бывало.

Невольно покраснела от отеческого поцелуя в щеку. Хотя откуда мне знать, что такое отеческие поцелуи?

– Что за цветы? – интонация без намека на ревность.

– Ты пришел на запах?

Олег хохотнул.

– Бывший одноклассничек подарил, хочет роман со мной закрутить, – пыталась прощупать почву, ревнует или ему все равно.

– Сам, наверное, собирал, – выжидательная ухмылочка. – Подарок, сделанный своими руками, вдвойне ценный, – слишком пафосно, милый. Так это ты ревнуешь? Ура!

– Новая рубашка? – спокойно обняла Олега еще раз, так и не поняв, все-таки это ревность или хорошо сыгранная роль.

– С чего взяла?

– Выглядит, как новая. Твой любимый цвет – хаки?

– Ну, не знаю, не думал. А что, тебе не нравится?

– Ты что! Клевая. И на ощупь приятная, – Олег ухмыльнулся, – Куда сегодня пойдём?

– А давай просто поболтаем, и ты сыграешь на пианино?

– О нет, только не это! Я должна открыть тебе страшную тайну.

Олег, не разжимая объятий, плюхнулся в кресло вместе со мной с настороженно-вопрошающим видом.

– Я терпеть не могу пианино.

– Я что-то такое уже слышал. Ну, а для меня?

– Не заслужил, – буркнула я и высвободилась из мужских рук.

Бросил свою прожигающую вспышку – очень действенный прием. И ни полслова извинения за уничтоженное свидание!

Весь вечер мучилась, чтобы не задавать лишних вопросов, ведь мы вместе, снова гуляем, будто ничего и не было. Я хваталась за каждый момент, каждое слово, каждое прикосновение руки, бросающее в дрожь, стараясь запечатлеть в памяти. Вот он миг, время, когда я чувствую себя защищенной, любимой и наполненной счастьем.

– Так что с музыкальной школой? – вопрос, как всегда, поразил своей внезапностью.

– Ммм... Сколько себя помню, мечтала играть на гитаре. Но завучу музыканки не понравилась длина моих пальцев. Пришлось освоить ненавистное фортепиано.

Олег удивленно рассматривал мои пальцы на левой руке, держа их в своей.

– Я тебя научу, хочешь?

– Жду-не дождусь! – съязвила я.

Все-таки меня вычислили, как ни скрывала свое желание вывести его на чистую воду.

– На что сегодня надулась?

Какая пронизательность!

– А ты не догадываешься?!

– Да не волнуйся ты из-за своего дружка! Я не обижаюсь.

Чтооо??? Вот это наглость!

– О, спасибо! А то я уже вся извелась.

Прямо на дороге он притянул меня к себе, как всегда непревзойденно застав врасплох.

– Я же тебя люблю.

Мир дернуло стоп-краном, а голова превратилась в заполненный ванильным туманом шар. Остановите жизнь!

6

Ничего не могла с ним понять. Встречами он совсем не баловал, да в общем-то и ничем другим. Я превратилась в ожидающую мумию, ни прости, ни прощай. Короткий поводок. Кто-нибудь объяснит, что такое женская гордость? Но вечное одиночество страшнее, чем ее отсутствие. Полный необъяснимый игнор выборочных свиданий (никогда не предугадаешь) и абсолютно всех праздников (включая незыблемо-традиционный Новый год), перманентные ощущения ненужности и непривлекательности.

После каждой несостоявшейся встречи моя гордость обещала взорвать мосты. Но одиночество выливалось на нее ведро ледяной воды. Обещания даже не смели подавать голос, когда Олег снова поражал внезапным появлением, опалая жгучим солнцем мое депрессивное однообразие. Тоже мне птица Феникс. Скорее всего, я – бесплатное приложение к его жизни, неинтересное и глупое. Но почему-то он не утилизировал наши отношения. Между встречами оставалось только балансировать по жизни в параноидальном состоянии, вздрагивая от всех без исключения звонков в дверь.